

ны, порою ее бесстрашная мрачность воспроизведены ритмически. То, что выглядит в эмблематике как противоречивость, а на деле является диалектикой миропонимания, рассматривающей противоположное как элементы единого, выражено и на смысловом уровне («Радость и скорбь на земле знаменуют одно...»), и на композиционном – кольцом: стихотворение начинается и заканчивается куртуазным обращением к «милому» сердцу поэта адресату.

© Л.С. Соболева
Екатеринбург

СТАРООБРЯДЧЕСТВО В ТВОРЧЕСКОЙ БИОГРАФИИ Д.Н. МАМИНА-СИБИРЯКА

Осознание Д.Н. Маминым-Сибиряком особенностей уральской жизни во многом связано с обращением к изображению старообрядчества. Во многих историко-литературоведческих исследованиях в разной степени выявляется отношение писателя к старообрядческой тематике. И.А. Дергачев писал об этой стороне творчества писателя, что «для Мамина раскол – явление народной жизни, над которым следует задуматься не для того, чтобы «разоблачить» несостоятельность религиозных догм, а чтобы понять, чем была вызвана «смута», чем поддерживалась, какие силы души приводит в движение, какую роль играет в жизни сегодня». Размышления писателя о расколе проходят практически через всю его творческую жизнь. И для него это не только явление уральской действительности, но и проблема личности и культуры, обстоятельств и «самостоянья» человека. Одним из важных моментов проникновения в творческую лабораторию писателя является его библиотека и те пометы на книгах, которые Д.Н. Мамин оставил на принадлежащих ему экземплярах. Несмотря на отдельные упоминания данного источника в работах (И.А. Дергачева, В.С. Приходько), систематическое описание библиотеки и комплексное ее исследование до сих пор не проведено. Между тем этот момент много говорит о системе представлений и типе материала, который писатель привлекал для создания старообрядческого мира в своих произведениях.

Осознание старообрядчества как уникального явления в русской общественной мысли начинается фактически с середины XIX века. Оценка староверия как исторического, так и культурно-социологического характера становятся своего рода «лакмусовой бумажкой», показывающей степень либеральности и основы понимания структуры народного сознания. До этого момента староверие, именуемое упорно в официальных кругах расколом, оценивалось как движение, противоречившее официальной церкви, вызванное исключительно непросвещенностью и непониманием староверами роли и значения церковного института в жизни государства. Основное

содержание староверия видели исключительно в обрядовой разнице, сопротивление церкви приравнивалось к сопротивлению государству. Подобная точка зрения появилась в еще в конце XVII – нач. XVIII в. Так, в концептуальном для православия исследовании митрополита Макария отмечалось, что раскол «есть уже противление власти церковной, а иногда вместе и гражданской, действующей заодно с церковной». ¹

Внимание правительства к раскольникам было активизировано в середине 50-х годов как следствие попыток демократических кругов использовать энергию отрицания, накопленную в старообрядческих кругах. В 1850-х годах стали открываться миссионерские отделения при духовных академиях и семинариях, что должно было повлиять на образованность в этом вопросе церковнослужителей. Катализатором процесса публикации многочисленных материалов и исследований о расколе во второй половине XIX в. послужило замечание императора Александра II в 1858 г о необходимости более полных, систематических и основательно обработанных сведений о расколе, так как существующие представления об этом движении весьма противоречивы. Замечание императора вызвало лавину публикаций, были даже основаны специальные журналы, преимущественно направленные против раскола. Материалы о староверах печатались в региональных «Епархиальных ведомостях» и в трудах духовных академий.

С конца 1850-х годов начинается разработка вопроса в светской историографии. Публикация работы профессора Казанской духовной академии А.П. Шапова поразила современников непривычным взглядом на старообрядчество, смелыми выводами, поправлением привычных негативных оценок раскольников как записных консерваторов. Не преувеличивая демократические возможности времени, следует отметить, что эта научная честность стоила историку карьеры и в конечном итоге самой жизни. В трудах Шапова и его последователей развивались идеи, что раскол есть не только внутрицерковное движение, но и явление «гражданской народной жизни», ибо именно здесь он получил «силу и направление и принял характер уже не просто духовно-демократический и мистико-фанатический, какой принял он с самого начала при патриархе Никоне, но уже чисто народно-гражданский». ² Историк подчеркивает особое значение раскола для пробуждения «своеобразной мыслительности народной». Книга Шапова произвела впечатление даже на таких передовых людей эпохи, как Герцен и Огарев. Складывалось впечатление, что действительно упущены какие-то неведомые возможности народных оппозиционных настроений. ³

Попытки внести в старообрядчество демократическое революционное начало должны были насторожить правительство, но практически никак не отразились на состоянии умов самих староверов. А вот что действительно имело более существенное влияние на русскую общественную мысль и настроения – это публикация Кельсиевым, по пору-

чению Герцена и Огарева, правительственных документов о преследовании раскола.⁴ Документы говорили о многом, а в особенности разрушали миф об увещательной политике правительственной церкви по отношению к староверам. Жесткость правительственных репрессий с этого момента перестала быть тайной.

Однако не секрет, что обращение к старообрядчеству в русской общественной мысли пореформенного периода было связано с выработкой конкретной политики, поэтому преследовало более публицистические, нежели научные цели. В 70-х годах исследователи пытаются убедить правительство в относительной безопасности раскола. П.И. Мельников, будучи признанным главным экспертом по делам староверов, уверял правительство в полной безвредности раскола не только в государственном, но и в общественном отношении.⁵ Стремление увидеть в расколе твердость духа русского народа и его творческий потенциал характерно для оригинальной работы Н.И. Костомарова «История раскола у раскольников» (1870). Раскол, по мнению Костомарова, является «крупным явлением умственного прогресса» и его значение для народа, прежде всего, образовательное. Это несколько утопическое и идеализированное представление о расколе было интересно своей неожиданностью, заставившей увидеть сложность и неоднозначность явления. Сочетание двух понятий – раскол и народная жизнь – в 80-е годы делается неразделимым.

Самые читаемые и прогрессивные журналы того времени – «Русская мысль», «Отечественные записки», «Слово», «Вестник Европы» – публикуют статьи о расколе, превращая научную проблему в тему для публицистики, но не для увещания староверов, а, напротив, видя в расколе моменты проявления высоты народного духа и пробуждающегося самосознания. Гуманистический и широкий взгляд на раскол проповедовал А.С. Пругавин в «Русской мысли». Пругавин продолжает идею Костомарова о творческой силе старообрядчества. «В раскол – пишет он, – идут люди наиболее одаренные духовными талантами, наиболее способные и даровитые».⁶ Автору видится, как раскол постепенно освобождается от суеверий и предрассудков, становится все светлее и разумнее, стремится к нравственному совершенству. Естественно, что подобные выводы были сделаны не столько при изучении конкретного материала или исследования реальных взглядов и учений очень раздробленного к тому времени старообрядчества, сколько в публицистическом задоре и эпатаже. Протест против идеализации раскола был сформулирован И. Харламовым в журнале «Дело», с которым Мамин постоянно сотрудничал.⁷ Эта статья оказала особое влияние на Д.Н. Мамину-Сибиряка, он обращается к ней, например, изображая воздействие старообрядческой проповеди на толпу. Харламов считает бездоказательным и лживым представление о реформаторской природе раскола. Создание своего рода мифа о раскольниках было вызвано жела-

нием церкви вовлечь государство в борьбу со старообрядцами. Причину раскола он видит «в развитии народно-религиозной мысли». Реформа Никона – повод, но не причина его появления. Харламов утверждает политическую индифферентность раскола, более того: замечает, что раскол, сосредоточивая внимание на чисто религиозных спорах, отвлекал от мятежа.

Бунт в расколе – прежде всего религиозный, и общей идее бегства раскол придал только свою форму. «Подготовка к лучшей загробной жизни, нравственное самоусовершенствование личности – вот до чего дошел раскол и ни до чего больше не мог добраться». В некоторых своих положениях статья Харламова напрямую соотносима с произведениями Д.Н. Мамина-Сибиряка.

В частично сохранившейся библиотеке писателя⁸ находится порядка полутора десятка книг, так или иначе связанных с историей и современным писателю бытованием старообрядчества. Начало этому интересу было положено еще в семье и было обусловлено как служебными обязанностями Наркиса Мамина, так и старообрядческими традициями в производственной и бытовой сферах висимской жизни.

Книги читались активно и творчески. Они буквально испещрены различными пометами на полях, целые отрывки и отдельные слова подчеркнуты. Среди помет перу Мамина-Сибиряка принадлежит характерная «NB», выполненная чернилами или карандашом изящным почерком прошлого века, встречающаяся на многих книгах различных годов издания, хранившихся как в Екатеринбурге, так и в столице.

В первую очередь, интересны книги, которые, скорее всего, были в семейной библиотеке писателя, еще во времена интереса к ним Наркиса Мамина.⁹ К таковым, можно отнести работу А. Шапова «Русский раскол старообрядства» (Казань, 1859). На некоторых страницах находят типично старообрядческие пометы типа «зри», что позволяет предположить, что экземпляр находился в руках грамотных старообрядцев. Этой пометой, например, в сочетании с подчеркиваниями отмечено вступление, где выделены слова, что работа Шапова предназначается не только для специалистов, «а больше для неученой публики». Помимо этого издания, в библиотеке писателя присутствуют тома из собрания сочинений А. Шапова.¹⁰ Из общеисторических сочинений в библиотеке писателя было сочинение С. Соловьева, в тринадцатом томе которого приведены обширные сведения об Аввакуме.

Старообрядческие пометы в виде «указующего перста» встречаются на нескольких страницах книги Г. Есипова¹¹ о судебных делах раскольников XVII века (1861–1863).

В библиотеке писателя собраны под одним переплетом несколько журнальных публикаций. Первой идет работа В.В. Андреева¹², у которого пометами выделена идея о политической лояльности раскола, о значении староверов для открытия руды на Урале. Отчеркивается мысль

об особой грамотности раскольников, фиксируются различия в устройстве церковной жизни у никониан и старообрядцев (пятиглавые церкви в послениконовский период) и практика перекрещивания священников у беспоповцев. В этом же блоке приплетены статья Н.Я. Аристова¹³ и работа о людях «древлего благочестия» Н. Лескова.¹⁴ Во всех книгах о старообрядчестве чувствуется писательская работа над словом. Подчеркиваются особые словечки из типично старообрядческого лексикона и уральские меткие народные выражения.

Среди серьезных аналитических работ находятся сочинения П. Мельникова.¹⁵ Мамина-Сибиряка привлекают в его работе сведения об уральской истории в связи со старообрядчеством, легенды о Беловодье и Китеж-граде, послание Ионы Курносого, описание пребывания староверов на Кавказе. Интересными и важными оказываются сведения Мельникова о поиске старообрядцами архиереев в XVIII веке и замечание, что староверы обычно плохие землепашцы, а их удел торговля и промышленная деятельность. Как и в других книгах, здесь отмечены необычные и образные слова и выражения из оригинальных старообрядческих сочинений.

Помимо исследовательских работ, в библиотеке писателя находились книги увещательно-проповеднического¹⁶ и исторически описательно-го характера. В этих публикациях цитируются памятники старообрядческой словесности, риторику которых писатель использовал, создавая образы кержаков.¹⁷ Среди книг имеется глубокая и оригинальная работа Максимова о юродивых, в которой приводятся тексты духовных старообрядческих стихов.¹⁸

Была в библиотеке писателя работа библиографического плана. В конце века появилась серьезное справочное издание по истории и современному состоянию старообрядчества А.С. Пругавина¹⁹, которого с Д.Н. Маминым связывали общие интересы.²⁰ Издание Пругавина очень информативно, там не только перечислены вышедшие работы о различных сторонах истории, этнографии, культуре староверов, но и даны краткие извлечения из публикаций и рецензии на них. Таким образом, Пругавин преследует еще и полемические цели. Не случайно в издании находится многочисленная помета Д.Н. Мамина. Так, писателя явно волнует мысль о лояльности или революционности раскола.²¹ Выделены писателем статьи, посвященные уральским старообрядцам. Заботит Д.Н. Мамина вопрос о художественном воплощении старообрядческого мира в литературе. Он отмечает рецензии на произведения П.И. Мельникова-Печерского «В лесах» и «В горах», где высказывается мнение, что при описании Мельниковым быта староверов «мрачные стороны его нарисованы автором слишком густыми красками».²²

Большое внимание писатель уделял историческому сочинению Косомарова. В оглавлении выделена глава о Никоне и по всей главе идут пометки, на обороте переплета сохранилась запись рукою Б. Удинцева,

где говорится, что Д. Н. Мамина глубоко возмущали преследования старообрядцев.²³

Интерес к старообрядчеству сохранялся у писателя всю жизнь. В книжном собрании находится сборник, выпущенный в Нижнем Новгороде в честь памяти Мельникова-Печерского его сыном (1910 г.). В сборнике был впервые опубликован официальный отчет писателя, когда он был чиновником в 1874 г. В анализе состояния старообрядчества в нижегородской губернии Мельников останавливается на понятиях нравственности, особой религиозности, политических взглядах староверов²⁴, приводит их легенды о картофеле, табаке, чае. Свидетельством общего признания авторитета Мамина-Сибиряка в области старообрядчества и сектантства является работа Барадаевской-Ясевич о сектантстве в Екатеринославской губернии с дарственной надписью.²⁵

В течение ряда лет писатель (1881–1882, 1885–1886) пользовался фондами библиотеке Румянцевского музея, где хранились собрания старинных книг и рукописей.²⁶

Глубокое знание писателя современных ему теорий в соединении с поразительной наблюдательностью и художественной интуицией позволили ему создать тот образ староверия, который оказался глубже и точнее всех изысканий, уберег от схематизма и односторонности в оценке староверия.

Примечания

1. Макарий. История русского раскола, известного под именем старообрядчества. СПб. 1855. С. 196.

2. Шапов А. П. Русский раскол старообрядчества, рассматриваемый в связи с внутренним состоянием русской церкви и гражданственности в XVII веке и первой половине XVIII // Собр. соч.: В 3-х т. СПб. 1906. Т. 1. С. 218–219.

3. В. И. Кельсиев в «Исповеди» вспоминает, что к старообрядческим материалам Герцен обратился после шума «незадолго до этого наделанного книгой Шапова» (Литературное наследство. М., 1941. Т. 41. С. 284–285) /

4. Кельсиев В. Сборник правительственных сведений о раскольниках. Лондон, 1860. Вып. 1. 1861. Вып. 2.

5. См.: Странник. 1886. № II. С. 534–564.

6. Русская мысль. 1881, № 1. С. 304.

7. Харламов И. Идеализаторы раскола // Дело. 1881. № 8, 9 (В монографии И. А. Дергачева ошибочно указан год издания 1882).

8. Судьбы книг из библиотеки писателя были различны. Одни из них были им переданы в библиотеку УОЛЕ, а после ликвидации этой научной краеведческой организации, судя по штемпелям, попали сначала в библиотеку областного, а потом литературного музеев. Другие были увезены писателем в столицу или приобретались им во время жизни там

и были переданы в музей племянником писателя – Б. Д. Удинцевым, наследовавшим его архив и библиотеку.

9. Среди помет в книге Шапова встречаются такие, которые можно предположительно отнести к руке Наркиса Мамина. Они касаются вопросов служебного характера (служение без священства), отмечены также моменты зависимости положения священника от прихожан и о притеснениях со стороны архиерейских чиновников (С. 390)

10. Шапов А. Н. Сочинения. СПб., 1906. Т. 1–2.

11. Есипов Г. Раскольничьи дела XVIII столетия, извлеченные из дел Преображенского приказа и тайной разыскных дел канцелярии. СПб., 1861–1863. В 2-х т. Т. II. На первом листе печать Д. Н. Мамина-Сибиряка. Титульный лист отсутствует. Обложка рукописная с надписью «Есипова. Раскольники» Среди помет на книге встречаем на «указующий перст» (с. 222, 266, 267). На первом листе есть печать А. Анфиногенова и подпись «Н. С. Смородинцев».

12. Андреев В. В. Исторические судьбы раскола // Всемирный труд. 1870. № 1–4.

13. Аристов Н. Я. Устройство раскольничьих общин // Библиотека для чтения. 1863. № 7.

14. Стебницкий М. (Лесков Н. С.) С людьми древнего благочестия // Библиотека для чтения. 1863. № 11; 1864. № 9. Отд. отт. СПб. 1863–1864.

15. Мельников П. Исторические очерки поповщины. М., 1864. Ч. 1. На титульном листе печать «Библиотека и книжная торговля Н. В. Пироговского в Екатеринбурге», на с. 1 печать Д. Н. Мамина. Пометы в книге касаются обрядовой сущности старообрядчества и поповщины. Отметки «NB» (С. 3). Красным и синим карандашом отмечены особо интересные слова и выражения старобрядческого лексикона, типа «латинскую ересь прия и римского папежу любезно прилепись, литургию богоотметную, хриstopодражательные люди» (с. 9), цитаты и выражения из старообрядческих сочинений с характерными словами «чтобы с Никоном – отступником зловерию последовать и впасть в смрадную яму еретичества» (с. 11). Выделяется дата «1654 год» – год морового поветрия и издания Никоном служебника (С. 21), отмечено символическое число 666 (С. 22). Синим карандашом отмечается связь старообрядчества с уральской историей. С. 27 неудобь – С. 242, самочини, братосоюзную, главизну, забобон – 244.

16. Беседы к глаголемому старообрядцу СПб. (б. г.) (Не сохранилась, упоминается в описи 1936 г.).

17. Филиппов И. История Выговской старообрядческой пустыни. СПб., 1862. На титульном листе автограф Мамина-Сибиряка.

18. Максимов С. В. Бродячая Русь, Христа ради. СПб. 1877

19. Пругавин А. С. Раскол-сектантство. Материалы для изучения ре-

лигиозно-бытовых движений русского народа. Вып.1 Библиография старообрядчества и его разветвлений. М., 1887

20. Известно, что А.С. Пругавин, будучи секретарем Общества Любителей Российской Словесности в 80-х годах собирал автобиографии писателей для издания. Публикация не состоялась, но Д.Н. Мамин написал для него свою биографию.

21. В связи с этим отмечены № 896 (рецензия проф. Нильского «Несколько слов о расколе (по поводу брошюры Шапова «Земство и раскол»)» (СПб., 1864), в которой автор опровергает политическую подоплеку раскола); № 972 (статья Д.П.. «Новые подвиги наших лондонских агитаторов // Русский вестник. 1862. № 9; где разбирается содержание первых трех номеров «Общего веча»); № 992 (Юзов И. Политические воззрения староверия // Русская мысль, 1882, № 5, где подчеркивается идея о революционной настроенной группе раскольников).

22. № 674 (Отечественные записки. 1881; Русская мысль. 1883, № 11).

23. Костомаров Н. Русская история в жизнеописаниях ее главнейших деятелей. СПб., 1895. Т. 2. На листе переплета запись почерком Б. Удинцева: «Эта книга из личной библиотеки Д.Н. Мамина-Сибиряка. Он очень ценил ее и в беседах со мной неоднократно ссылался на статью Костомарова о Никоне. Д.Н. Мамина глубоко возмущали преследования старообрядцев (особенно казнь сожжения в срубе, см. С. 217–218)». В главе о Никоне есть пометы синим карандашом и «птички» на полях.

24. Сборник в память Мельникова. Нижний Новгород, 1910. Т. IX. Почерком Б. Удинцева на внутренней крышке переплета запись: «Книга куплена в Н. Новгороде у букиниста». На титуле его же почерком «Мамин-Сибиряк».

25. Барадаевская-Ясевич В. Очерки из истории сектантских движений в Екатеринославской губернии (Отд. оттиск из «Нового слова» (1887).

26. Д.Н. Мамин сам собирал древние рукописи, переданные им потом в музей УОЛЕ. Воспоминания об этом уральского краеведа Л. Хандроса хранятся в Музее писателей Урала.

© Е.К. Созина
Екатеринбург

СОЗНАНИЕ И МОДУСЫ ЕГО БЫТИЯ В ЛИТЕРАТУРЕ

В одном из основополагающих исследований по истории литературы XX века В.И. Тюпа пишет: «На наш взгляд, литература – это intersубъективная жизнь Сознания в формах художественного Письма. <...> Литературовед, изучая художественные тексты, не может игнорировать того, что предмет его занятий – эстетические манифестации жизни сознания: индивидуального – корпоративного – национального – обще-